

УДК 93/94
DOI 10.52452/19931778_2023_6_13

ПРОЕКТЫ БОРЬБЫ С КОНОКРАДСТВОМ В ПОВОЛЖСКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2023 г.

О.В. Калюжная

Санкт-Петербургский университет
Федеральной службы исполнения наказаний России, Санкт-Петербург

kalyuzhka@list.ru

Поступила в редакцию 01.12.2023

Статья посвящена вопросам обсуждения мер по борьбе с конокрадством в поволжских губерниях в начале XX в. На материалах заключений, записок и докладов местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности показаны сущность и содержание подходов к борьбе с конокрадством. Выделяются основные направления в предложенных мерах: развитие правовой культуры у крестьян, изменение системы наказаний, изменение системы организации охраны правопорядка в деревне.

Ключевые слова: конокрадство, крестьяне, Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, Поволжье, преступность, суд.

К началу XX в. в Российской империи конокрадство являлось одним из наиболее распространенных преступлений против частной собственности в сельской местности. С учетом того, что лошади во многих семьях были неотъемлемой частью хозяйственных работ и высоко ценились, конокрадство издавна имело характеристику одного из наиболее общественно порицаемых преступных деяний в крестьянской среде. Изучение конокрадства как преступного действия и явления в крестьянской жизни позволяет более детально понять особенности правовых воззрений в крестьянской среде, а изучение формирования мер по борьбе с ним – на конкретном примере проанализировать подходы власти к урегулированию имущественно-правовых отношений крестьян и к повышению эффективности системы наказаний за наиболее значимые в крестьянской среде проступки (как известно, именно неудовлетворенность мерами наказания для конокрадов нередко была причиной другой категории преступлений – самосудов). Этим и обуславливается значимость настоящего исследования.

Отметим, что проблема борьбы с конокрадством на рубеже XIX–XX вв. является слабо изученной. Как правило, конокрадство упоминается в исследованиях, посвященных общей структуре сельской преступности [1–3]. Лишь в небольшом количестве работ конокрадство выступает как самостоятельный предмет исследования [4–6]. При этом к началу XX в. в провинции было выработано несколько проектов по борьбе с конокрадством, которые ранее не были изучены и вовлечены историками и правоведами в научный оборот.

Формирование различных подходов и их обсуждение стало возможно благодаря деятельности местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которые работали на уровне уездов и губерний в 1902–1903 гг. В их состав входили предводители дворянства, члены земских управ, а также чиновники и землевладельцы. Поскольку председатели комитетов имели полномочия приглашать к участию в их работе иных лиц, то в ряде комитетов также в работе участвовали земские гласные, земские служащие, священники и крестьяне. Программа занятий комитетов была заранее обозначена обширным перечнем вопросов, один из которых подразумевал предложение мер по охране сельскохозяйственной собственности (включая борьбу с конокрадством).

Конкрадство к началу XX в. являлось одним из наиболее распространенных преступлений, при этом при росте общего числа случаев раскрываемость составляла от 7% до 17% [7, с. 21]. Волостные суды, как правило, руководствовались ст. 169 и ст. 170 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, согласно которым конокрадство рассматривалось как разновидность кражи и наказывалось тюремным заключением на срок от 3 до 6 месяцев, при этом, согласно «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» 1885 г., конокрадство могло трактоваться также как особый вид преступного промысла, за который следовало лишение всех прав состояния и ссылка в Сибирь или отдача в исправительные арестантские отделения [8, с. 630–631].

Основной вопрос, который вставал перед обществом при определении возможных изменений в системе борьбы с конокрадством, – это

соизмеримость степени тяжести данного преступления для крестьянской среды с адекватностью наказания. В связи с этим землевладелец Ф.Г. Геннинг недоумевал, почему за взлом замка виновные подвергаются ссылке в Сибирь, а за кражу лошади, которая нередко полностью разоряла крестьянское хозяйство, максимальный срок наказания, как правило, ограничивался 6–7 месяцами тюремного заключения [9, с. 388].

Что же касается причин распространенности этого явления, то в основном их сводили к двум. Первая заключалась в особенностях правового сознания крестьян (когда в условиях общинного характера нивелировалось понятие частной собственности). В Ставропольском комитете (Самарская губерния) по этому поводу отмечалось, что в крестьянской общине крестьянин никогда не был полноценным собственником, поэтому такой порядок «не может развить в крестьянах чувство уважения к чужой собственности – напротив, с его точки зрения, такое нарушение является вещью обыденной, обыкновенной» [9, с. 604–605]. Земский начальник Галичского уезда (Костромская губерния) В.Е. Горгалов также добавлял, что «по духу принципа об общинном землевладении у крестьян нет никакой собственности», причем это распространяется и на все движимое имущество, включая лошадей: именно эта причина, по его мнению, и способствовала тому, что многие крестьяне не считали себя виновными при краже скота и сельскохозяйственной продукции [10, с. 335]. Вторая причина виделась в проживании в данной местности склонных к подобному рода преступлениям народностей. В частности, в Самарской губернии к таковым относили киргизов, а в Нижегородской – цыган [9, с. 388; 11, с. 87].

Вместе с тем существовали дискуссии о том, насколько возможно изменить подход к вынесению наказаний за конокрадство. Так, буинский землевладелец, профессор Санкт-Петербургского университета С.Ф. Глинка полагал, что необходимо наказывать не только преступников, но и содействующих им лиц, а в целях борьбы с конокрадством делать упор на превентивные меры: установку электрических звонков на скрытой проволоке в денниках и расширение телефонного сообщения, которое позволило бы оперативно распространять информацию о краже лошади [12, с. 321–322].

В Новоузенском комитете (Самарская губерния) в качестве меры борьбы с конокрадством виделось обязательное страхование лошадей. Предполагалось, что владельцы скота будут платить особый сбор, который составит специальный капитал, направляемый на возме-

щение ущерба при краже лошади. Кроме того, крестьяне выступали за то, чтобы в пастухи не допускали киргизов как склонных к конокрадству [9, с. 388].

Члены Мусорского сельскохозяйственного общества представили в Самарский губернский комитет записку, в которой отмечали, что в первую очередь необходимо внушение крестьянам уважения к чужой собственности путем проведения мероприятий просветительского характера [9, с. 43]. Схожая позиция была и у членов Мологского комитета (Ярославская губерния): они доказывали, что при существующих условиях жизни крестьян трудно искоренить воровство и иные преступления против собственности, поэтому необходимо улучшение крестьянской жизни в целом, которое при этом должно обязательно сопровождаться и усилением наказаний [13, с. 126].

При этом симбирский землевладелец И.П. Рютчи отстаивал другую точку зрения: по его мнению, это было связано с «общей деревенской распущенностью», поэтому следовало применять не арест, а высокий штраф с обязательными исправительными работами в случае несостоятельности виновного (предполагалось, что в таком случае убытки потерпевших компенсируются за счет казны) [12, с. 135].

Земский начальник 6-го участка Самарского уезда В.В. Осоргин исходил из того, что конокрадство лишь часть преступного действия, которое включает в себе не только кражу лошади, но и последующую ее перепродажу. Поэтому он предлагал ужесточить наказание для конокрадов, а также для тех, кто покупает краденый скот. Отмечая, что скупкой в основном занимаются состоятельные крестьяне, Осоргин заключал, что «если строгость наказания не остановит в конце испорченных воров, то несомненно таковая внушит должное уважение к чужой собственности со стороны заурядных крестьян» [9, с. 527].

Член Костромского уездного комитета А.К. Бошняк также полагал необходимым ужесточить наказание за конокрадство и судить за него как за третью кражу, причем в целях недопущения случаев самосуда следовало сразу заключать обвиняемого под стражу и не отпускать на поруки [10, с. 474].

Землевладелец Н.Д. Брандт в Бутуруславском комитете (Самарская губерния) предлагал в первую очередь максимально упростить и ускорить судопроизводство по делам о конокрадстве, поскольку «сложные формальности и крайняя медленность слишком ослабляют влияние законодательных мер против этого зла» [9, с. 231]. Развивая этот тезис, ардатовский землевладелец

Н.В. Дмитриев полагал, что крестьяне должны иметь право на активную защиту имущества и скота, в том числе и «с орудием в руках», и не подвергаться наказанию в случае нанесения при этом увечий преступнику [11, с. 120].

В Ставропольском комитете (Самарская губерния) особое внимание было уделено составу низшей сельской полиции, участвующей в борьбе с преступлениями против собственности (включая конокрадство). Исходя из того, что она была выборной и служба в ней носила характер повинности, заключалось, что в этом кроется и недостаточная ее эффективность при поимке преступников, поскольку все местные обыватели связаны между собой родством, свойством и кумовством: «А при таком положении не хочется восстанавлять против себя близких, тем более, что и власть-то у него на один год; он ждет не дождется, когда от нее освободится» [9, с. 605].

Об этом говорил и переяславский мещанин И.В. Тарасов, заявлявший о необходимости усиления полиции в деревне. По его мнению, станковые приставы и урядники физически не могли обеспечить должную охрану правопорядка ввиду значительных размеров вверенных им территорий, а десятские и сотские относились к своим обязанностям небрежно: «Вследствие всего этого проступки и преступления остаются часто не раскрытыми, а безнаказанность поощряет к новым злодеяниям» [13, с. 187].

В связи с этим примечателен взгляд самих крестьян на решение проблемы. Ардатовский крестьянин Иван Шанин полагал, что нужно иметь особых ночных сторожей, которые занимались бы охраной скота не в качестве повинности, а за плату: «а то в ночное у нас едут или малые ребята на гулянье, или утомленные дневной работой мужики на отдых» [11, с. 124].

Самарский землевладелец С.Р. Данненберг в качестве превентивной меры предлагал закрепить в крестьянской среде нравственный ценз. Поскольку ввиду неспособности порой противостоять конокрадам легальными мерами крестьяне нередко избивали их (в том числе и до смерти), он вносил предложение ежегодно закрытой баллотировкой проводить голосование по вопросу о добропорядочности сельских жителей. В случае если крестьянин получал более 2/3 неодобрительных голосов, арестовать и направить в особое поселение. Это, по его мнению, поспособствовало бы удалению из деревень и сел лиц с дурной репутацией и склонностью к преступлениям, а также защитило бы добропорядочных крестьян от участия в случаях самосуда и расправы [9, с. 561–562].

Ардатовским комитетом (Нижегородская губерния) был принят проект председателя, уезд-

ного предводителя дворянства князя И.Д. Звенигородского об обязательном клеймении лошадей. Автор проекта апеллировал к американскому опыту и находил данную меру весьма эффективной, поскольку в таком случае было сложно продать даже шкуру животного. Для большей действенности предусматривалось, что клеймо будет в каждом уезде обязательно отличаться [11, с. 118].

Карсунский комитет (Симбирская губерния) поддержал предложенное священником А.И. Грозянским установление особого порядка покупки лошадей. Предполагалось, что владелец лошади должен предоставить расписку покупателю (а в случае неграмотности продавца расписки стали бы выдаваться чинами полиции или должностными лицами крестьянского управления), причем совершение сделки без предоставления таковой надлежало наказывать штрафом в 25 руб. [12, с. 346, 350].

Постановления о необходимости регистрации лошадей для того, чтобы их купля-продажа в дальнейшем представляла собой прозрачный процесс, были приняты в Пензенской губернии в Краснослободском и Наровчатском комитетах [14, с. 56]. В Нижегородской губернии Горбатовский комитет также выступил с данным предложением, особо отметив необходимость возлагать ответственность при отсутствии таких свидетельств не только на продавцов, но и на покупателей [11, с. 273]. Подобные предложения были озвучены и в сопредельной с Нижегородской Костромской губернии, в Варнавинском комитете [10, с. 222]. Но в Нижегородском губернском комитете по этому вопросу возникли разногласия: вице-губернатор барон К.П. Фредерикс со ссылкой на опыт паспортной системы в Вятской губернии пытался доказать, что это стало бы наиболее действенным средством в борьбе с конокрадством, однако член Нижегородской губернской земской управы Г.Р. Килевейн находил, что такая система практически неосуществима, после чего комитетом так и не было принято решения по данному вопросу [11, с. 23].

Бузулукский комитет (Самарская губерния) поддержал предложение председателя комитета, заступающего на должность уездного предводителя дворянства В.А. Племянникова: конокрадов планировалось передавать сразу в юрисдикцию окружного суда (поскольку лошадь для многих крестьян была «единственной кормилицей») с запретом на возвращение в прежний уезд после отбытия наказания. Последнее объяснялось тем, что при поимке конокрада немалую роль играет страх, что «по отбытии наказания он вернется назад и жестоко отомстит пойманному его и предавшему в руки правосудия»

[9, с. 320–321]. Схожий проект был поддержан в Нижегородской губернии в Сергачском комитете (передача дел о конокрадстве в окружные суды с участием присяжных заседателей и введение в качестве наказания ссылки), однако в Нижегородском губернском комитете он не был в итоге принят [11, с. 22, 87].

Ивантеевское сельскохозяйственное общество, Бугульминский и Новоузенский комитеты (Самарская губерния), Курмышский комитет (Симбирская губерния), Даниловский и Пошехонский комитеты (Ярославская губерния) выступили за ужесточение наказаний за конокрадство [9, с. 38, 129, 130; 12, с. 134; 13, с. 8, 79]. Николаевский комитет (Самарская губерния) считал, что в качестве наказания должен выступать не арест, а тюремное заключение [9, с. 343].

Имелась и противоположная точка зрения: Мышкинский комитет (Ярославская губерния), выступая за ужесточение наказания, поддерживал в качестве такой меры высокие штрафы с компенсацией убытков и ущерба владельцам лошадей. Это объяснялось тем, что арест и тюремное заключение не способствовали предупреждению рецидивов: «Занимающийся воровством по выходе из острога обращается опять к тому же ремеслу, а таких очень много» [13, с. 162]. Поэтому в своем заключении комитет исходил из того, что по отношению к конокрадам следует применять максимально жесткие наказания экономического характера вплоть до принудительной продажи при необходимости «всех построек конокрада, урожая его и прав на землю, хотя бы она и была надельной» [13, с. 178].

Самарский губернский комитет исходил из того, что данное преступление является «страшным бичом сельского хозяйства», в связи с чем предлагал отнести его к компетенции окружных судов, а также реорганизовать сельскую низшую полицию, сделав ее не избираемой, а назначаемой, с условием, что к содержанию ее будут привлечены не только крестьяне, но и все жители в пределах волости, имеющие недвижимую или торговые предприятия [9, с. 8–9].

В свою очередь, в заключении Костромского губернского комитета констатировалось, что преступления против собственности у крестьян распространены преимущественно по причине их «малой культурности», поэтому более действенной мерой будет в первую очередь развитие образования и поднятие культурного уровня народа [11, с. 103–104].

Таким образом, анализируя представленные в местных комитетах поволжских губерний предложения и проекты, а также заключения самих комитетов, можно условно разделить их на несколько групп, которые связаны с принци-

пиальными подходами по борьбе с конокрадством, лежавшими в их основе.

В основе первого подхода лежало представление об особенностях крестьянского правопорядка, в котором в условиях общинного уклада жизни понятие о частной собственности было размытым. Поэтому его сторонники призывали направить усилия в первую очередь на разъяснительную работу, а также ввести понятие нравственного ценза в деревне, за несоответствие которому следовало превентивное наказание.

Апологеты второго подхода больше уделяли внимание карательной составляющей. И в этом направлении существовали дискуссии. Одни полагали, что наиболее важная часть наказания – экономическая, поэтому предлагали установить высокие штрафы и при несостоятельности преступника конфисковывать его имущество. Напротив, сторонники другой точки зрения придерживались мнения о необходимости усиления наказания в сторону тюремного заключения и ссылки для изоляции преступника от общества.

Еще один подход был связан с организацией служб правопорядка. Его приверженцы исходили из того, что сельская полиция была неэффективна как в связи с малочисленностью, так и с особенностями формирования, причем последний момент нередко приводил к утрате мотивации по розыску и поимке преступника. Поэтому акцент делался на необходимости правильной организации правоохранительной системы в деревне.

В дальнейшем отражение этих дискуссий нашло свое применение при разработке Уголовного уложения 1903 г., а также в рамках работы III Государственной Думы, когда рассматривался законопроект об усилении уголовной ответственности за похищение лошадей и домашнего скота.

Список литературы

1. Кулачков В.В., Музычук Т.Л. Криминологические аспекты правового сознания крестьянства Западного региона России на рубеже XIX–XX вв. // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3. С. 615–622.
2. Морюшкин С.И. Динамика и структура преступности в Рязанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2007. № 4. С. 23–30.
3. Шайдунов В.Н., Сапронова Н.А. Цыганская преступность в России: история и современное состояние // Вопросы истории. 2021. № 10-2. С. 110–128.
4. Федоров С.Г. Обычное право, самосуд и конокрадство в российской и сибирской деревнях во второй половине XIX века // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 4 (31). С. 77–83.
5. Невский С.А. О борьбе с хищением лошадей (конокрадством) в Российской империи // Историче-

ская и социально-образовательная мысль. 2012. № 2. С. 263–266.

6. Галиева Ф.Г. Обычай конокрадства в истории некоторых регионов страны // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2019. Т. 30. № 1. С. 12–20.

7. Ахмедов Ч.Н. Конокрадство и роль полицейского урядника в борьбе с ним // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3. С. 21–27.

8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1886. 714 с.

9. Труды местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 35: Самарская губерния. СПб., 1903. 622 с.

10. Труды местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 17: Костромская губерния. СПб., 1903. 527 с.

11. Труды местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 24: Нижегородская губерния. СПб., 1903. 586 с.

12. Труды местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 38: Симбирская губерния. СПб., 1903. 540 с.

13. Труды местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 49: Ярославская губерния. СПб., 1903. 236 с.

14. Труды местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 29: Пензенская губерния. СПб., 1903. 232 с.

PROJECTS TO COMBAT HORSE THEFT IN THE VOLGA PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

O.V. Kalyuzhnaya

This article is devoted to the discussion of measures to combat horse theft in the Volga provinces in the early twentieth century. Based on the materials of the conclusions, notes and reports of the local committees of the Special Meeting on the needs of the agricultural industry, the essence and content of approaches to combating horse theft are shown. The main directions in the proposed measures are highlighted: the development of legal culture among peasants, the change in the system of punishments, the change in the system of organization of law enforcement in the village.

Keywords: horse stealing, peasants, Special meeting on the needs of the agricultural industry, the Volga region, crime, the court.

References

1. Kulachkov V.V., Muzychuk T.L. Criminological aspects of the legal consciousness of the peasantry of the Western region of Russia at the turn of the XIX–XX centuries // All-Russian Journal of Criminology. 2017. Vol. 11. № 3. P. 615–622.

2. Moryushkin S.I. Dynamics and structure of crime in the Ryazan province in the second half of the XIX – early XX centuries // Bulletin of the PFUR. Series: The History of Russia. 2007. № 4. P. 23–30.

3. Shaidurov V.N., Sapronova N.A. Gypsy crime in Russia: history and modern state // Questions of history. 2021. № 10-2. P. 110–128.

4. Fedorov S.G. Customary law, lynching and horse theft in Russian and Siberian villages in the second half of the XIX century // Bulletin of the Kurgan State University. Series: Humanities. 2013. № 4 (31). P. 77–83.

5. Nevsky S.A. On the fight against horse theft in the Russian Empire // Historical and socio-educational thought. 2012. № 2. P. 263–266.

6. Galieva F.G. The custom of horse stealing in the history of some regions of the country // Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. 2019. Vol. 30. № 1. P. 12–20.

7. Akhmedov Ch.N. Horse theft and the role of a police officer in the fight against it // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3. P. 21–27.

8. The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. St. Petersburg, 1886. 714 p.

9. Proceedings of the local committees of the Special Meeting on the needs of the agricultural industry. Vol. 35: Samara province. St. Petersburg, 1903. 622 p.

10. Proceedings of the local committees of the Special Meeting on the needs of agricultural industry. Vol. 17: Kostroma province. St. Petersburg, 1903. 527 p.

11. Proceedings of the local committees of the Special Meeting on the needs of agricultural industry. Vol. 24: Nizhny Novgorod province. St. Petersburg, 1903. 586 p.

12. Proceedings of the local committees of the Special Meeting on the needs of agricultural industry. Vol. 38: Simbirsk province. St. Petersburg, 1903. 540 p.

13. Proceedings of the local committees of the Special Meeting on the needs of agricultural industry. Vol. 49: Yaroslavl province. St. Petersburg, 1903. 236 p.

14. Proceedings of the local committees of the Special Meeting on the needs of agricultural industry. Vol. 29: Penza province. St. Petersburg, 1903. 232 p.